

Олег
ГАЛЬЧЕНКО
г. Петрозаводск

Солдатские СНЫ

Трудно сказать, как бы воспринималась новая книга известного петрозаводского поэта Олега Мошникова «Листья на ветру», попадись она мне ещё несколько месяцев назад. Всё-таки бытие определяет наше сознание настолько, что события, происходящие в мире в последнее время, очень сильно влияют на восприятие даже абсолютно аполитичной лирики. Многое из того, что мы читали, обсуждали, просто считали важным и интересным для нас в такой ещё недавней спокойной жизни, ныне видится не стоящим внимания, несерьёзным, пустым. В случае же с этим сборником Мошникова произошла удивительная вещь: в новом историческом контексте он открыл в себе те неожиданные смыслы, которых мы бы раньше ни за что не заметили. В своих стихах автор отрефлектировал и зафиксировал атмосферу мира, в котором должно вот-вот что-то случиться, всё наполнено смутной тревогой и ощущением хрупкости любого счастья, любого домашнего уюта. Но что именно долж-

но произойти – мы теперь уже прекрасно знаем, а лирический герой ещё нет.

Материал сборника так сгруппирован, что эпизоды из армейского прошлого автора перемежаются воспоминаниями о детстве, историями, записанными со слов близких родственников – представителей поколений, заставших мировые войны, революции, другие тяжёлые испытания, безмятежными картинками природы, бытовыми зарисовками, ожившими страницами любимых книг – и вновь армейскими буднями, иногда романтизированными, иногда наполненными гордостью и пафосом, но чаще – проникновенным лиризмом, ибо автору и здесь дороже всего именно покой мира, который он решил защищать, однажды выбрав свою профессию. Легко угадываемый, проходящий красной нитью через весь сборник ассоциативный сюжет похож на обрывочный сон солдата, которого, возможно, поутру разбудят по тревоге и бросят в бой, ну, а пока:

*Сон солдатский –
жертвенный и чуткий:
с вышки – в поле, с корабля – на бал.
В карауле – уж какие сутки...*

*А отбой –
Еще не наступал.*

*Как во сне –
степные полигоны
да пожарной рации трезвон:
на плечах – старлейские погоны,
всполох неба –
в вихре огнемом!*

*От Калининграда до Сибири,
от Урала до Алма-Аты –
мой безбожный лоб перекрестили
границы поцарапанной звезды...*

*Ляжет лист на тумбочку ночную...
Застелив шинелью ветра,
я полки нестройные муштрую,
вместо жезла
кончиком пера.*

Вот так одним махом взял – и в одном стихотворении и панораму всей страны дал, и всю свою биографию вместил!

Да, Олег Мошников – из тех поэтов, которые каждое слово нагружают максимальным количеством информации, не забывая, впрочем, заботиться о том, чтобы повествование текло легко и непринуждённо, напоминая живую устную речь. Видимо, именно тут особенно заметны уроки творческого мастерства, преподанные когда-то Олегу в университетском литобъединении под руководством Александра Веденева. «Думайте о читателях!» – строго внушалось там молодым стихотворцам, очень хотевшим выражать сложные мысли образным языком, но частенько терявшимся в лабиринтах ими же придуманных метафор. Что ж, почему бы сейчас действительно не подумать, когда за спиной – такая длинная жизнь и есть чем поделиться с многочисленными собеседниками-единомышленниками?

*Как они постарели
за нашим окошком березы!
Магазинчик
советской игрушки –
снесли...
И что сносятся страны,
в учебниках старой бересты*

*мы до черной,
до мертвой основы прочли.*

*Утомленные ветви
не могут весной согреться,
прошлогодние листья
в дырявую прячутся мглу.
Из набухших морщинок
бегут на ладони, как в детстве... –*

*Я оторванных листьев
и слез удержать не могу...*

Наверное, один из самых верных способов найти общий язык с широкой аудиторией – это заговорить о детстве. Мы же, как известно, все родом оттуда, и как земляку не понять земляка? Но вот что интересно: из всех живущих ныне поэтов я не припомню больше ни одного, преданного настолько этой своей малой родине, как Олег Мошников. Возможно, что в том, что он вновь и вновь возвращается мысленно в эпоху, когда деревья были большими, виноват ставший когда-то первым серьёзным критиком его произведений покинувший не так давно наш мир знаменитый Владислав Крапивин. Вот уж кто своими книгами воспитал несколько поколений подростков и вовремя объяснил им, что мир наш устроен хоть и не очень-то справедливо, но бросать ему вызов и отстаивать свою правду всё равно стоит. Есть в мошниковских текстах тоже нечто крапивинское, пусть они и совсем о другом, неуловимое, необъяснимое, но очень легко узнаваемое в людях, чьё детство выпало на 60-70-е годы прошлого века.

Но для Мошникова детство – это ещё и волшебный портал, через который можно проникать в прошлое и будущее. С одной стороны, через наблюдения за жизнью детей и внуков лирический герой получает сигналы из будущего, с другой – «любовь к отеческим гробам», память о предках делает всю мировую историю для него глубоко личной историей:

*«Соленые» грибы рассыпались поляной
За вырубкой, показанной отцом...
В сырой тайге, поваленной, как пьяной,
Заросшее приметив озерцо,*

*Найти сосну с зарубкою отцовой...
И самому пройти знакомый путь.
Испить росы из впадинки груздевой:
Родителя заботу помянуть.*

Автор не стесняется этих неожиданно нахлынувших слёз, вообще не боится показаться слишком сентиментальным, потому что его герою не чуждо ничто человеческое – в том числе и сильные эмоции, без которых любое стихотворение – даже виртуозно зарифмованное, становится скучным и сухим, как таблица умножения. У Олега ни одна из книг ещё не получилась скучной, и всё потому, что на их страницах щедрость душевная соседствует со щедростью в плане подбора разнообразных выразительных средств, которые, кажется, заимствуются у всех существующих в природе видов искусств. Когда надо рассказать трогательную историю, поэт становится чуть-чуть драматургом, заставляя персонажей самих рассказывать о себе, когда нужно вспомнить встреченных на жизненном пути хороших людей, очень помогает музыка – особенно органично она звучит в песенных, фольклорных мотивах, неизменно сопровождающих деревенские карельские сюжеты. Иногда приходится автору побыть и живописцем – яркие зрительные образы, целые пейзажи, батальные картины и бытовые зарисовки из его стихов запоминаются надолго:

*Нарисованный журавлик...
Вышло время – для огранки.
Мастерства достиг паяльник,
Не ушла строка за рамки.*

*Стала лаковой картиной
Неприметная фанерка...
Грустный оклик журавлиный
Объяснять словами – мелко.*

*Как жемчужина в оправе,
Осень – букву теряет:
Не случайно гений правил
Строчку «О...ень, улетает».*

Настоящий, большой художник должен быть жадным в хорошем смысле этого слова. Жадным и ненасытным в поиске новых впечатлений, в стремлении постоянно пополнять свою воображаемую коллекцию портретами, пейзажами, натюрмортами, абстрактными композициями – всем, на что хватит памяти, что может вызвать вдохновение. У Олега Мошникова эта «жадность» была видна уже в самых ранних, ещё ученических произведениях – что уж говорить сейчас, когда перед нами вполне зрелый профессионал? В каждом его сборнике хоть и говорится о вещах вечных, непреходящих, но всегда чувствуется дух времени, запечатлённый с детальной точностью

– на уровне примет быта, речевых особенностей героев, а иногда – на уровне видеоряда в телевизоре, на фоне которого герой задаётся какими-то важными вопросами.

Большое видится на расстоянии, и то, что когда-то было просто зарисовкой с натуры, завтра станет документом эпохе.

Книга «Листья на ветру» – даже не документ и не памятник. Это – трогательное письмо из «другого» мира, из далеко не беззаботной, но всё же более уютной и человеческой реальности. Письмо чуть-чуть подзадержалось в пути, но от этого не перестало быть менее ценным для адресатов. Как хорошо, что оно смогло вместить в себя так много всего – и как жаль, что обрывочный, тревожный сон лирического героя слишком короток – как передышка между боями! И сам образ листьев на ветру, ставший заголовком сборника, – конечно, не придуманный Мошниковым, а имевший место уже у античных авторов, наполнит читателя и горечью оттого, что ничто не вечно под луной, и горячим желанием ценить каждый миг нашей быстротечной жизни!

*Все мы – будем землей... Это больше,
Чем всполохи танцующих муз,
Нет ни щелочки в замысле Божьем,
Ничего: ни желаний, ни чувств, –*

*Кроме сладкого духа сирени,
Диких роз – в придорожной пыли!
Сбились строчки. Дрова отгорели...
Все сильнее притяженья Земли.*

**Мошников Олег. «Листья на ветру»:
стихотворения и переводы
(Петрозаводск: «Периодика», 2021 г.)**

